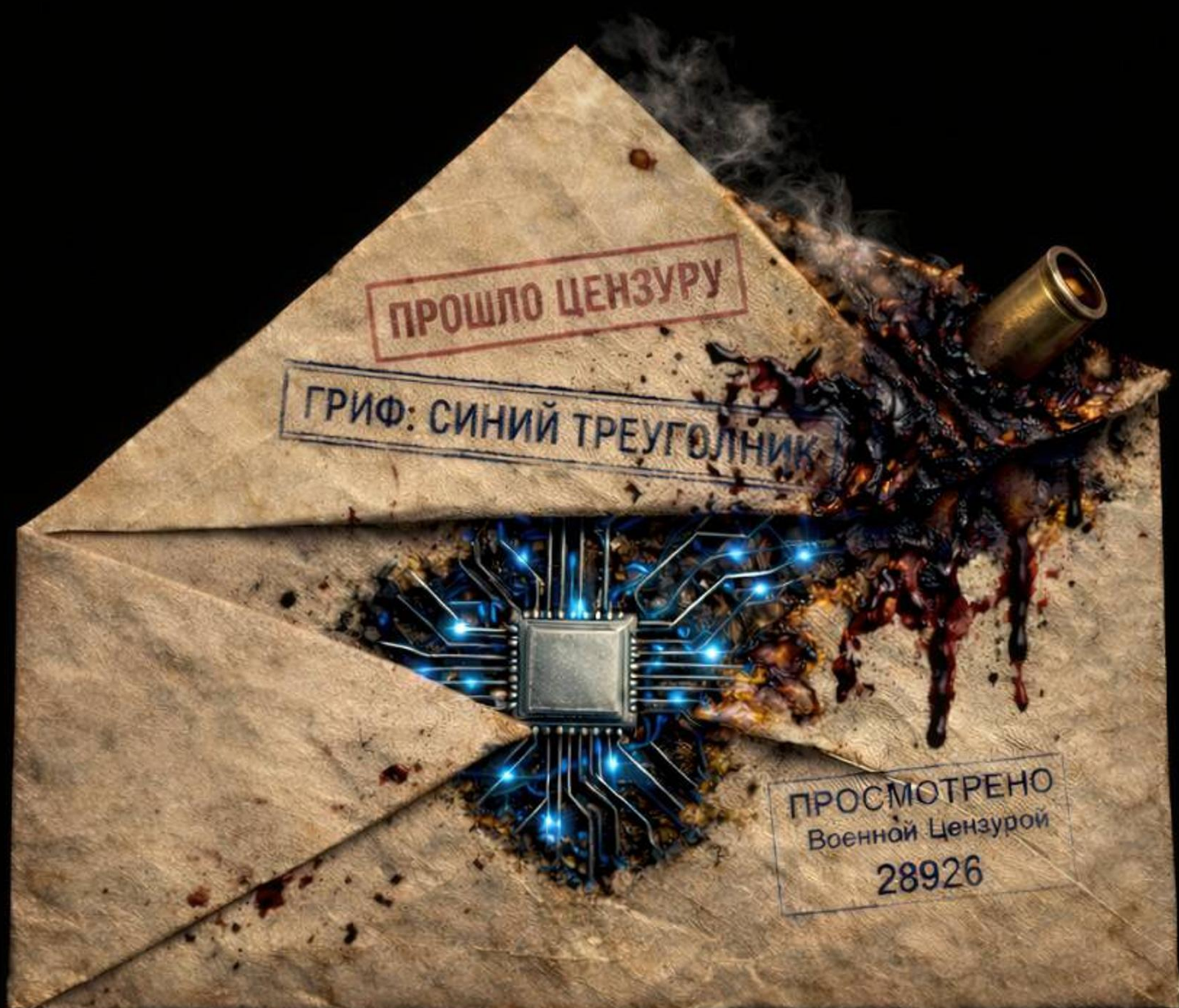

ХРОНИКИ РАСХОДНОГО МАТЕРИАЛА

СЕРГЕЙ ЕФРЕМОВ

18+

Сергей Ефремов

Хроники расходного материала

«Автор»

2026

Ефремов С.

Хроники расходного материала / С. Ефремов — «Автор», 2026

Перед вами — уникальный литературный артефакт, балансирующий на грани исповедальной прозы и антиутопии. Текст, стилизованный под полевые письма, воссоздаёт хронологию заката одной души в условиях тотальной технологической войны. Автор намеренно сталкивает архаичную эпистолярную форму с пугающей атрибутикой будущего: нано-датчиками, нейросетевым управлением и алгоритмическим подавлением воли. Главный герой — рядовой Александр, чей позывной «Хмурый» — проходит путь от солдата-киборга до узника фильтрационного лагеря и, наконец, до человека, заново обретшего себя через страдание. «Хроники расходного материала» ставит неудобные вопросы: где проходит граница между патриотизмом и обезчеловечиванием? Можно ли сохранить моральный компас, когда страх отключают уколом? Рекомендуется к прочтению всем, кто интересуется военной философией, антивоенной литературой и мрачными прогнозами развития военного ИИ.

© Ефремов С., 2026

© Автор, 2026

Сергей Ефремов

Хроники расходного материала

Письмо первое

Двенадцатый день месяца Распада (по новому календарю).

Прифронтовая зона, сектор «Б-17».

Привет, мама.

Сначала новости, чтобы ты не искала мою фамилию в сводках. Я жив. Руки-ноги целы, хоть левая рука теперь немного дергается — осколочное, нервы задело, но врачиха сказала: «Косить от армии будешь, герой». Я посмеялся. Никто уже не косит, мам. Все всё поняли. Знаешь, я думал, война будущего — это светящиеся лазеры, роботы и экраны с синими точками. В школе нам показывали картинки: солдаты в умных скафандрах, дроны-пауки, чипы, управляющие болью. Говорили, что человек больше не будет убивать человека грязно, вживую. Что война превратится в сухую шахматную партию. Они ввали. Война будущего воняет так же, как сто лет назад. Пластик, горелая плоть, озон от лазерных разрядов и почему-то всегда — сладкий запах перезревших фруктов. Это от химии в грунте, говорят старожилы. Мы сидим в бетонной трубе, которая когда-то была дренажом для умной фермы. Сверху летают «стрижи» — их рои. Они жужжат, как комары, только когда находят тепло живого тела, выстреливают иглой с нервно-паралитическим. Мы теперь спим только днем, под грязными одеялами, потому что ночью они видят лучше. Вчера я хоронил Серого. Вернее, то, что от него осталось. Это не займет много времени — хоронят нас теперь в картонных пакетах, мама. Говорят, экологично. Серый писал письма своей девочке каждый день. Я нашел в его планшете последнее сообщение: «Соня, у нас тут дождь. Он соленый». Я не отправил. Сети работают через раз, а когда работают — там только приказы и координаты для ударов. Человеческие слова в эфире глушат автоматически. Слишком дорогой трафик для слез. Я живу по счетчику. На левом запястье у меня вшит нано-датчик «Купидон-6». Он считает уровень стресса, гормоны, риск паники. Если сердце забьется слишком часто от ужаса — в вену уколется успокоительное. Если слишком редко — взбодрит адреналином. Армия будущего не может позволить себе солдата, который боится по-настоящему. Теперь мы ходим в атаку с ватными улыбками, потому что химия стирает страх ровно за три секунды до выстрела. Но она не стирает память, мам. Я помню, как в прошлом месяце мы зачищали подземный госпиталь на той стороне. Врагов там уже не было. Были дети. Они не боялись лазеров, они боялись темноты. Самому маленькому я дал свой шоколад, который ты положила в посылку. Он не знал, что это шоколад. Они едят только синтетическую пасту «Вита-трон», от которой синеют десны. Я выключил камеру на шлеме. Я делаю это часто. Мой командир говорит, что я «выпадаю из эфира». Но я просто хочу иногда побыть человеком, а не теплой точкой на радаре. Сегодня утром я поймал кусок радиоволны. Там кто-то с той стороны, на чужом языке, пел колыбельную. Голос был старый, надтреснутый. Я не понял слов, но понял мелодию. Она была точь-в-точь как та, которую ты пела мне, когда я болел корью. Война, мама, это когда на разных языках поют одну и ту же песню про то, как хочется домой. А потом всё равно стреляют. Мой датчик «Купидон» сейчас показывает уровень меланхолии 87%. Это много. Скоро он впрыснет мне «бодрость», и я начну смеяться без причины. Я пишу эти строки, пока голова еще моя. Прости, что не прислал фото. Теперь это запрещено. Враг научился по теням на фотографиях вычислять позиции снайперов. Мы даже в зеркала не смотримся.

Целую. Не плачь.

Твой Саша.

P.S. Если это письмо придет к тебе с грифом «Синий треугольник» — значит, меня уже нет. Синий — это значит «пропал без вести, но надежда есть». Не верь. Синий цвет в их бюрократии означает только то, что не нашли даже чипа. Но я всё равно люблю тебя.

Письмо второе

Сорок третий день месяца Распада.

Позиция «Костёр-6». Вход в старую магистраль метро.

Мама, сегодня ночью я понял, что такое «мясорубка будущего».

Нас подняли в четыре утра. Не по рации — по нейросети. Мне прямо в мозг пришла команда: цвет — алый, звук — сирена, картинка — схема окопов противника. Теперь не надо кричать «в атаку». Просто моргаешь, и твоё тело уже бежит, пока ты думаешь: «А я не забыл выключить чайник?» Мы наступали на комплекс «Улей» — это старая автоматическая ферма под куполом. Там враг устроил узел управления дронами-жнецами. Командир сказал: «Возьмём с боем, ребята. Танков у них нет». Он не соврал. Танков действительно не было. Вместо танков у них были «колючки». Это такие твари, мам. Био-механические пауки ростом с овчарку. Они не стреляют. Они просто бегут на тебя со скоростью гепарда, и если успевают дотронуться до бронезилета — выжигают электронику. Ты остаёшься без связи, без прицела, без датчика сердцебиения. С голыми руками против пластида и бешенства. Я убил своего первого «колючку» лопатой. Обычной сапёрной лопатой. Лазерный резак отказал ровно в ту секунду, когда паук прыгнул. Я даже не закричал — датчик «Купидон» впрыснул мне такой коктейль из адреналина и апатии, что я просто машинально рубанул. Пластид хрустнул, как арбуз. Из него потекло масло, смешанное с чёрной кровью. Он дёргал лапами ещё минуту. После боя я сидел в воронке. Руки тряслись. Датчик показывал «спокойствие» — потому что препарат ещё не выветрился. А я чувствовал, как внутри меня кто-то маленький и настоящий бьётся головой о рёбра. Но командир подошёл, хлопнул по плечу, сказал: «Молодец, Хмурый. Первый шаг». И я улыбнулся. Я правда улыбнулся, мама. Потому что наркота в крови ещё не кончилась.

Описание боя (как это выглядит технически)

Ты спрашивала, как мы воюем. Я набросаю схему, как нас учили.

1. **Артподготовка** — теперь это не пушки. Это рои микро-дронов, которые сыплются с неба, как серебристый дождь. Они ищут любое тепло. Если ты не надел термоодеяло — через минуту в тебе тридцать игл с зарядом. Мы прячемся под специальными сетками «Невидимка», но они работают только пятнадцать минут, а потом нагреваются сами.

2. **Штурм** — бежим короткими перебежками. У каждого на шлеме система «Взор Бога» — она подсвечивает врагов красными контурами прямо через стены. Но враг тоже умный. Они ставят «фантомные тепловые ловушки» — надувные куклы с подогревом. Ты видишь пять красных фигур, выпускаешь очередь — а это пластик. А настоящий снайпер лежит в двух метрах под маскировочным одеялом, которое имитирует бетонную плиту.

3. **Контакт** — когда видишь врага лицом к лицу, всё возвращается в каменный век. Потому что на дистанции меньше десяти метров ни один прицел не успевает сфокусироваться. И тогда мы бьёмся ножами, лопатками, камнями. Вчера я видел, как наш пулемётчик Паштет (он весит сто двадцать кг) размозжил вражескому солдату голову обломком арматуры. Потом Паштет сел и заплакал. Оказывается, тот солдат был его одноклассником. Они вместе в школе на биологии сидели. Просто оказались по разные стороны линии фронта, которую нарисовали старики в чистых кабинетах.

Перегруппировавшись, мы начали зачистку квадрата «Стеклянный лес». Это район, где раньше был завод по производству голографических экранов. Теперь там торчат из земли мил-

лионы осколков зеркал и силикатных труб. Противник запустил туда «туман» — облако нанороботов размером с пылинку. Они не убивают сразу. Они оседают на кожу, на лёгкие, на глаза. И через три часа начинают собираться в микроножки, которые режут капилляры изнутри. Я шёл в полном гермо-костюме. Дышать невозможно — фильтры забиваются через пять минут. Видимость — ноль. В шлеме только белый шум и голос штаба: «Двигайтесь к точке "Бета". Осторожно, мины-лепестки». Мины-лепестки выглядят как обычные листья клёна. Ты наступаешь — они взрываются снизу вверх, отрывая ступню. Я наступил на такой лист. Мама, я наступил. Но сапог у меня был старый, советский ещё, из толстой резины, без всяких смарт-датчиков. И мина не сработала. Потому что у них сенсор настроен на температуру ноги человека в современных ботинках с подогревом. А мои ноги замёрзли так, что датчик мины решил: «Это холодный камень». Вот так, мам. Меня спасло то, что у нас нет денег на нормальную экипировку. Весь «Стекланный лес» мы прошли на ощупь. Когда сняли шлемы — у половины ребят лица были в мелких порезах от «тумана». У Коляна лопнул глазной капилляр, он теперь видит всё в красном цвете. Доктор сказал: пройдёт через неделю. А Колян сказал: «Мне так даже больше нравится. Красное — это цвет жизни». Он пошутил. Но никто не засмеялся.

Письмо третье

Шестьдесят восьмой день месяца Огня.

Сектор «Г-22», линия столкновения «Красный пунктир».

Привет, мама.

Если ты читаешь это, значит, чип еще не сошел с ума, а я нашел десять минут, чтобы диктовать в закрытом канале. Мы на передовой. Настоящей. Той, где линия фронта движется каждую минуту и ни одна карта не успевает обновляться. Вчера в пять утра нас подняли по «Молнии» — это когда система орет прямо в череп, минуя уши. Я проснулся уже на бегу. Мои ноги несли меня быстрее, чем я понял, что проснулся. Спасибо чипу. Мы бежали через «мясорубку» — сектор, где каждые пять метров земля перепажана умными фугасами. Они не взрываются, когда наступаешь. Они ждут, пока над ними пройдет пятый, шестой, десятый. Чтобы собрать максимум. Мы потеряли троих еще до того, как увидели врага. Первый — Молчун. Ему чип заменили на боевой сразу после учебки. Он вообще не разговаривал, только кивал. Хороший пулеметчик. Фугас вырвал ему ноги выше колена. Он упал и всё пытался прицелиться, лежа в воронке. Чип продолжал отдавать команды: «Ведение огня. Сектор три. Две цели». Молчун нажал на спуск, но пули ушли в небо, потому что его уже разворачивало от потери крови. Я видел его глаза. Они не были испуганы. Они были пусты. Чип выжег страх, но выжег и всё остальное. Мы не могли остановиться. Приказ: «занять высоту 407» до рассвета. Я перешагнул через Молчуна. Я перешагнул. И я ненавижу себя за это, мама. Высота 407 — это не гора. Это свалка старого города. Там были небоскребы, теперь это груды переплавленного бетона. Враг окопался в подземных парковках. Мы знали это. Нам дали «кротов» — буровых роботов, которые прорывают тоннели. Они гудят, как огромные мухи, и оставляют за собой расплавленный грунт. Мы шли за «кротом» в полный рост. Чип синхронизировал наши шаги: левой, правой, левой, чтобы не создавать резонанс. Когда мы вышли из тоннеля, я оказался лицом к лицу с врагом. В метре. Без очков дополненной реальности — они разбились, когда я падал в воронку. Я увидел человека. Настоящего. У него была седая щетина, разбитая губа и глаза — усталые, как у меня. Он поднял лазерную винтовку. Я поднял свою. Мы смотрели друг на друга секунду, может, две. Чип за долю секунды просчитал траекторию, пульс врага, вероятность его выстрела — 94%. Чип дернул моим пальцем за мгновение до того, как враг нажал на спуск. Я выстрелил первым. Его голова дернулась назад. Упал. Я не знаю, как его звали. Но я запомнил его ботинки. Зеленые, со стертым носком. Такие же, как у меня. Потом был бой. Я не буду описывать его подробно, мама. Скажу только, что мы дрались в полной темноте, потому

что враг вырубил энергосеть сектора. В темноте работали только чипы и тепловизоры, но тепловизоры быстро запотевали от крови и пота. Я стрелял на звук, на запах, на дрожь земли. Чип подсвечивал мне цели прямо в сетчатку — зеленые контуры. Я перестал понимать, где свои, где чужие. Чип знал. Я доверился машине. В какой-то момент я нащупал рукой чью-то теплую ладонь. Она сжимала мою. Я подумал — это свой? Но чип сказал: «Цель. Уничтожить». Я отдернул руку. И выстрелил. В темноте кто-то закричал: «Мама, заberi меня!» Но чип определил голос как «вражеский психологический прием». Я выстрелил еще раз. Крик смолк. Мы заняли высоту 407 к шести утра. От моего взвода осталось семеро. Мы сидели в подземном гараже, среди трупов, и ждали подкрепления. Никто не разговаривал. Чипы молчали — они переключились в режим экономии энергии. Я нашел в кармане убитого врага фотографию. Двое детей и женщина. Оборванная, выцвевшая. Чип определил фотографию как «неопознанный предмет, не представляющий угрозы». Игнорировать. Я положил фото обратно в карман хозяина. Поправил ему воротник. Ему было лет сорок. Он воевал в старом бронежилете, с заплатками. Как и я. Мама, сейчас я пишу это в углу разрушенного гаража. Снаружи опять идет кислотный дождь. Он барабанит по бетону, и мне кажется, что это земля плачет. Или небо. Или я сам, но чип исправно впрыскивает блокатор слез. Нас завтра снова поднимут. Другая высота, другой подвал, другие лица, которые станут зелеными контурами. Чип уже загрузил план. У меня нет выбора. Мои пальцы больше не слушаются меня до конца — они ждут команды от машины. Но я нашел лазейку. Если я очень сильно захочу сделать что-то, что противоречит приказу, чип борется со мной несколько секунд. У меня болит голова, идет кровь из носа, но я могу, например, не добить раненого. Могу дать глоток воды пленному. Могу закрыть глаза, когда чип требует смотреть. Вчера я так сделал. Вражеский солдат лежал без ног, просил пить. Чип кричал: «Уничтожь, это угроза». Я вырубил звук в чипе (кнопка на шее, маленькая, я нашел ее случайно). И дал ему флягу. Он сказал: «Спасибо». На моем языке. Через минуту его убил свой же снайпер — за то, что сдавался. Чип зафиксировал нарушение режима и доложил командиру. Командир сказал: «Хмурый, ты тупой гуманист. Я кивнул. Завтра новый бой. Я должен поспать. Чип уже переключил меня в режим «быстрого сна» — четыре минуты, и я как новенький. Я ненавижу эти четыре минуты. Потому что за них я успеваю увидеть во сне дом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.